

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР-25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»

Юрий Иванов
(г. Вологда)

РАССКАЗ МАТЕРИ

Председатель Совета ветеранов Федеральной службы судебных приставов по Вологодской области, подполковник ФСБ в отставке, советник юстиции 1 класса, член Союза писателей России, бывший несовершеннолетний узник фашистских лагерей, слушатель Высших Литературных курсов при Литературном институте им. А. М. Горького.

Великая Отечественная война заканчивалась. Пьянящая радость грядущей Победы, казалось, витала в самом воздухе, в блеске глаз, частых взрывах дружного хохота русских женщин которые работали на складе немецкого обмундирования, расположенного в подвале большого многоэтажного дома. Отношение немцев изменилось в лучшую сторону. Один из контролеров, ранее самый вредный, который за это, а также по причине длинного носа, получил прозвище «Гусь», сказал однажды: «Скоро мы будем Ваши пленные...»

«Девки, Полина идет»,— крикнула Маленькая Клава, и все женщины, которые в это время были на складе, повернули головы к выходу. Полина тоже числилась работающей, но на складе появлялась редко, она пользовалась благотворительностью шефа, красивого немца, который вообще был здесь всего несколько раз в обществе Полины и двух великолепных овчарок. Немцы его боялись и слушались беспрекословно.

Полина знала немецкий язык. Говорили, что ее муж — летчик советской армии. Насколько она была близка с шефом, никто не знал, но женщины, работавшие в этот день на складе, знали, что она является связной партизанского отряда, действующего в округе...

Полина в очередные свои приходы «заряжалась», как они говорили, необходимыми вещами, т.е. прятала их под одеждой и выносила. Затем работница этого же склада Нина Матвеева носила эти вещи в лес. Где находится отряд она не знала, а просто Полина говорила ей по какой дороге идти, затем в пути раздавался свист, это было сигналом, она оставляла на обочине лесной дороги что надо передать, и возвращалась домой. Стараниями все той же Полины Матвеевой было выделено место, где она проживала с малолетним сыном одна.

В этот приход Полина была с шефом. Они о чем-то оживленно беседовали, войдя

в помещение, Полина по-русски громко, явно рассчитывая на слушателей, сказала с милой улыбкой, обращаясь к шефу: «Стой здесь, бл...» Все женщины громко засмеялись. «Чего они смеются?» — спросил шеф, он по-русски не понимал ни слова. «Я сказала, что б ты подождал меня, любимый».

Полина быстро сказала Матвеевой Н. очередной маршрут, по которому она сегодня должна была доставить обмундирование в отряд и, блеснув прелестными зубками, удалилась вместе со светящимся от удовольствия провожатым.

Выполнив поручение, Нина привычной дорогой возвращалась в город. У нее было чувство тревоги за малолетнего своего сынульку Юрика, которого она оставила одного в бараке спящим, т.к. сказать о своем отсутствии она не могла никому, это ей было строго запрещено. Мальчик был спокойный, спал хорошо, но сердце матери билось тревожно всегда в такие моменты, а сегодня особенно. Это единственный близкий ей человек, который остался у нее, остальных разбросала война, и это делало ее материнскую любовь еще более сильной и тревожной. Она постоянно боялась как бы с ним что-нибудь не случилось. Неожиданно раздался гул многих самолетов, который превратился в звуки мощных бомбовых взрывов. Сердце матери вздрогнуло. Ее сын был в деревянном бараке один под взрывами бомб. Она бросилась вперед напрямую, не разбирая дороги. В темноте, задыхаясь и падая, она выбежала на вершину холма, с которого был виден весь в отблесках разрывов и пожаров город и упала, мгновенно подкошенная страшной для нее картиной. Она четко увидела догорающее пламя на том месте, где стоял ее барак. Как очутилась в бомбоубежище, расположенном в подвале склада с немецким обмундированием, где работала грузчицей — она не помнила.

Я проснулся от грохота, встал на ноги на постели. На мне была только одна рубашечка. Слева на круглой железной печке что-то горело. В углу комнаты зияло огромное отверстие, за которым полыхало пламя. Слышались взрывы. Я заорал. И мгновенно погрузился в темноту (потерял сознание).

Из этой темноты меня вывел женский голос, который кричал: «Где пойдём — через мост или вброд?» В это время я лежал на берегу реки на спине, и ноги мои были в воде. Барак, из которого меня выкинуло, видимо, взрывной волной, находился на самом берегу большой реки... Было темно, справа иногда вспыхивало пламя, слышались разрывы. Меня подняли чьи то женские руки, и я очутился в помещении в сильной тесноте на этих руках, окруженный толпой (но я никого не видел) Отчетливо слышал голос женщины, которая билась в истерике, и голоса людей, ее успокаивающих, Старались чем-то помочь... Раздавалось: «Ребенка убило, ребенок сгорел!» Мощный взрыв потряс здание, люди попадали, на меня навалились, я почувствовал, что задыхаюсь и закричал: «Мама!»

Это были моя мама — Матвеева Нина Васильевна, (затем Дегунова по фамилии отчима), прах которой покоится на кладбище в поселке Кесова Гора Тверской области, и я. А кто-то говорит, что бога нет. Спасибо тебе, господи, что спас ты меня в ту страшную ночь и дал возможность жить, ходить босиком по траве, видеть яркую зелень весны и желтые краски поздней осени, небо и солнце, любить, а если повезет, то и быть любимым, и многое другое, что составляет удивительное благо жизни человеческой. Жить и любить жизнь — это здорово.

Дождь и слякоть — но ведь будет и солнце, а после дождя оно светит ярче, неудача — но ведь придет и победа, и горечь провала только усилит радость, разлюбили или сам разлюбил, но ведь полюбят и полюбишь. И счастье придет обязательно.

*А если жизнь тебя прижала,
Не ной, от страха не трясись:
Жизнь любит не кого попало,
А только тех, кто любит жизнь.*

Свет беспредельной и беззаветной материнской любви освещал мне всегда тьму жизненных путей-дорог, как свет погаснувшей звезды, светит она мне и сейчас примером доброты и любви. Я помню, как мама в нелегкое военное время, когда она, проживая вдвоем со мной в тяжелых материальных условиях привела к нам на житье маленькую девочку, дальнюю родственницу из детдома, и она проживала с нами длительное время на правах дочери.

На начало войны мы проживали в деревне Заханье вблизи ст. Дно Псковской области, она была оккупирована немцами. Мимо деревни проходили воинские фашистские эшелоны и в том числе — с пленными русскими солдатами. Мама рассказывала: везли их на открытых платформах, и некоторые так и падали — больные или мертвые с этих платформ на землю. Она подобрала одного из них, он был болен тифом, и его никто не хотел брать, чтобы не заразиться. Она взяла его в свой дом и стала ухаживать за ним. Многие жители деревни тифом после этого переболели, а мы с мамой — нет. Она рассказывала, что ела и натиралась чесноком, и я, глядя на нее — тоже. Возможно, помог чеснок, а, может быть, бог. Солдата звали Осип Абрамович, он выздоровел, женился и до конца войны жил в этой деревне.

Сразу после войны в деревне, где мы жили, появился беспризорник, он обитал в сарае, мама привела его в дом, сожгла в печи все его лохмотья, отмыла, и тоже жил у нас и, несмотря на то, что я постоянно чувствовал с ее стороны беспредельную любовь, к нему она относилась так же, как и ко мне, и он, и я не чувствовали разницы.

Сейчас, когда ее нет, вспоминаются запечатленные на всю жизнь некоторые диалоги.

Я в очередной раз ночным поездом приехал к маме, сплю, открываю глаза, прощаюсь днем от громкого чавканья. Мамы в доме нет. Смотрю, рядом со мной за столом сидит какой-то мальчишка и с удовольствием уплетает гостинцы, сладости, которые я привез маме.

— Ты кто? — спрашиваю.

— А я тоже тут живу...

Оказалось, — с этой же улицы.

В доме у нее постоянно кто-то был из соседей, причем, совершенно разные по возрасту, приходили, всегда о чем то говорили. Теперь я понял — их к ней тянула доброта. Мама живет в деревне. Я ей говорю: «Поедем жить ко мне в город или к сестре, там жизнь лучше».

— А куда я дену дом, он ведь пропадет...

— Продай.

После раздумья: «А чего я вам оставляю, когда умру?!!!! А так хоть дом будет». А ведь я и сестра — люди среднего достатка.

Всю жизнь жила небогато, лишних денег никогда не было. От моей помощи отказывалась категорически: «Мне хватает...» и откладывала себе на похороны. Не однажды заводила разговор:

«Юрик, когда я умру — вот здесь...» И начинает говорить, где взять деньги и все такое прочее.

Мне, естественно, этот разговор неприятен, и я говорю:

— Мам, да ты будешь жить вечно.

Но однажды не выдержал:

— Мама, ну, я ведь не бедный человек, неужели ты думаешь, что если такое случится, то мы будем рассчитывать на твои копейки и не сможем отдать тебе долг и все это, понимая, что ты отдала нам всю жизнь?

Резюме — когда она умерла мы похороны оплатили из скопленных ею денег почти полностью.

Я получил очередное воинское звание «майор» — это старший все-таки офицер, какое-никакое, а событие, а какие бы успехи у меня ни бывали, я всегда старался сообщить об этом маме, в первую очередь. Как все дети. Это сохранилось у меня на всю жизнь. Прихожу с поезда (это 9 километров), — она копает картошку. Я беру лопату и помогаю ей. Среди прочего разговора, как бы между прочим, заявляю: «Мам, а я майора получил». Она не реагирует никак, копает дальше. Думаю — может, не слышала, однако молчу и копаю. Накопали мешок, она говорит: «Ну, как тебя там, — генерал, майор, полковник... Тащи мешок». И больше разговора на эту тему не было.

Меня удивляло всегда и удивляет до сих пор, что я приезжал к маме временами в течение жизни: за это время я прочитывал много книг, умных журналов, ходил на всевозможные выставки, побывал почти в 10 зарубежных странах, общался с умными знающими людьми, закончил институт и различные курсы повышения квалификации, вроде бы рос и это чувствовал, а когда я беседовал с мамой, которая вошла в самостоятельную жизнь только умея писать и читать, чему ее научил отец, и больше нигде не училась, но много читала, я не ощущал себя априори умнее, опытнее ее. Но она многое знала, понимала и судила часто более правильно и не менее грамотно, в том числе и о конкретных литературных новинках, чем я.

С тех пор твердо укоренилось в моем сознании понимание того, что, как бы ты ни был умен и учен, простые люди все равно умнее и опытнее тебя. И знают больше. Мне запомнился только один случай, когда мама обо мне отозвалась неположительно.

Из Ленинграда к нам приехал дальний родственник со мной одного призывного возраста. Зашел разговор о том, что меня призывают в армию. Родственник сказал:

«Что это Юрка не мог от армии откосить?»

Мама ответила: «А кто же в армию пойдет защищать нас? Батяка старый. Если бы он отказался, я бы сказала — подлец ты, сынок...»

И сынок старался служить Родине как мог везде, куда бы ни кидала его судьба и военная и всякая другая. Начинать службу солдатом на крайнем севере, после трех лет срочной службы была возможность демобилизоваться на несколько месяцев раньше, т.к. я хотел поступить в институт, командование разрешило, отказался, чтобы исполнить долг до конца. Помогите, господа, быть мне достойным любви материнской!

